

КОГДА я приехала в Париж, гастроль Ки-
ровского балета там была в полном раз-
гаре. Отсюда «Звезда» была, блестящая
премьера «Юрсара», которым открылись вы-
ступления советских артистов. Труппу востор-
женно приветствовал зрительный зал, ее при-
шли поздравить министр культуры Франции,
«Звезда» парижской Оперы. Это был настоя-
щий успех.

Интерес к русскому балету во Франции тра-
диционен. И потому, что здесь еще жива па-
мять о знаменитых «Русских сезонах», и ма-
ленькая уютная площадь возле «Гранд-Опера»
носит имя Сергея Дягилева; и потому, что, как
писала одна газета, в «жизнь русского балета»
еще и ввели «русские сезоны» Дидло
Жюлья Перро, Мариуса Петита проносятся
сейчас особенно часто.

Гастроль предстояла труднейшая. Ну посчи-
тайте сами: два месяца, каждый вечер, в одном
Париже, на сцене концертного зала, вмещаю-
щего пять тысяч зрителей! И это в городе, ко-
гда трудно увидеть темноту. Добавлю, что
в это же самое время в Париже выступал Ко-
пелланский королевский балет, а труппа
«Гранд-Опера» показала премьеру «Лебедино-
го озера».

У парижан, как вы догадываетесь, нет про-
blems свободного вечера. Дни и ночи на та-
ких же артистах. Оперный балет, оперный балет,
очень хороши — у нас нет таких цен.

И тем не менее каждый вечер этот мно-
готысячный зал был полон!

«Юрсар» ошеломил парижскую публику.
Она, скажите, кто из интересующихся хоть ма-
ло-малысь балетом не знает этого названия!
Одна из работ произвела такой подвиг: на по-
слевоенные годы балетов в Ленинграде в Па-
риже на 180 показанных номеров 50 раз пу-
блике было явлено па-де-де из «Юрсара». И
вот, оказывается, «Юрсара»-то никто на
Западе не видел, не знает, его лондонские
парижские премьеры состояли в середине
двадцатых годов в Ленинграде. Балет — это
жизнь, открыл нам этот шедевр Мариуса
Петита, бережно восстановленный Петром Гу-
севым и Олегом Виноградовым.

И не видела в Париже этого спектакля. Ки-
ровцы показывали уже другие свои програ-
мы, а парижская пресса все возвращалась, и
все возвращалась к Ленинграду и к Кирову.
Газета «Котиден де Пари» озаглавила
свою рецензию так: «Великолепно, ошарова-
тельно, колоссально». «Постановка Гусева и
Виноградова, — пишет газета, — следует хорео-
графам М. Петиту, заключавшей в себе со-
вершенно новую и гениальную идею не ви-
данных до сих пор «Юрсар» — произведение,
бессрочно, ошаровательно, необычайно, си-
няющее с толку». Все газеты отвечают Алты-
най Асылмуратову, Елену Паркову, Ольгу
Чечикову, которая «покорил парижскую ста-
ру» и т. д. и т. д. И так же в «Технике»
«балерну блистательно и точкую», Галику
Мезеневу — с ее проникновенным лиризмом
и неповторимой индивидуальностью, Евгению
Нефру, Константина Зайкинского...

Конечно, все интереснее, а было бы в пре-
дставлении о театре, о балете, о балетном
критическом замечания в некоторых замет-
ках попадались. Есть среди них курьезные —
та, например, одному журналисту не понрави-
лось выражение лица балерны, хотя ее вели-
колепное техническое совершенство, ослепля-
ющая красота и талант не отметили. И
другие частные замечания можно отнести
серьезнее. Но, во-первых, театр — это живая
организм, со складными и подменяемыми
настроениями. Зритель этого не знает — он видит и судит
исходя из своего опыта и был бы недоволен
«Потемкина» и «Тени» (именно на эту париж-
скую премьеру я приехала), а я должна ска-
зать, что я не видела двух одинаковых спек-
таклей. Были разные, отмеченные необычно-
высоким искусством, и был момент,
когда мне показалось, что труппа, давняя
стала, вечер подряд одну и ту же программу,
ушла... Но на следующий вечер — опять
балет, да еще какой! Я это к тому, что замеч-
ания критиков — вещь нормальная. Ну а за-
мечания публики — вещь ненормальная.

вторых, как правильно написала одна газета,
ведь ведь идея о Кировском театре, поэтому
критика «оставит шпатель острым». Выясно, что
есть подходить к театру с высочайшими мерка-
ми. И театр этот критический экзамен выдер-
жал блестяще.

Если успех «Юрсара» можно было про-
гнозировать со стопроцентной уверенностью,
русская классика на Западе вообще не кон-
куренция, — то представлял, как артисты при-
дут «Потемкина», было трудно. В Москве,
когда я еще только собиралась на парижскую
премьеру, многие уверяли меня, что «Бро-
несец» «Потемкина» в Париже, конечно же,
провалится; зачем бежать на помех искусство-
ному артисту балет, который наша собствен-
ная отечественная критика начисто не приняла?
А уж парижане и не такое в современном сти-
ле видели!

Парижские газеты, поправлявшие гастроль,
тоже обнаруживали скептические отношения

балет вывазуют, «аврадой» номер один Киров-
ского театра.

В «Бронесец» «Потемкина» мужской
кордебалет — 32 танцовщика творит одно дей-
ствующее лицо — поначалу заданную, безро-
потную, запуганную матросскую массу.
Стальные пластины в огромные пушечные
железнодорожные колеса бронированного
судна, а может быть — бронированного
государства, где царит утешение, ужасные
человеческого достоинства, где свобода лишь
Смерть, делающая свою будущую работу.
Она сползает и неутомимо вырывает из без-
ропотной массы свои жертвы. Она кактус с
ними свой злощастный танец под музыку не
обыкновенной красоты, и оттого этот танец
становится еще более зловещим и жутким. Но
вот в этой второй массе люди начинают поды-
мать головы, постепенно, очень трудно ос-
вобождаются они от страха перед внешней силой
и перед близким и в конце концов преодолева-

В ДОСТАТКЕ И ДОМА

Балетная труппа Ленинградского академического театра имени
С. М. Кирова приехала в Париж после шестилетнего перерыва. Ожидали
ее здесь с любовью: еще бы, из шести отобранных программ
три совершенно новые для парижан — это «Юрсар», «Бронесец»
«Потемкина» и «Витязь в тигровой шкуре».

О новой работе Олега Виноградова. Один из
лучших балетов современности, в нем чувствуется
сильное влияние Беккера, другого сомневался,
что парижской публике будет интересен спек-
такль о русской революции. Слышала я и
высказывания неприязненные: зачем, дескать,
позволили русским высидеть свой красивый
балет в Париже? Одна из газет написала не-
толерантно: «Мы ждем от труппы Кировского
театра показательного урока в большом клас-
сическом балете, а не блуждающий в современ-
ном, вышедшем из моды стиль».

Олег Виноградов с напряжением ждал премь-
еры. Влюбков на репетициях не все ладил-
ось: огромная сцена концертного зала созда-
вала сложности для постановки декораций,
света, и Виноградову приходилось на ходу
вносить поправки в уже олаженный спек-
такль. Это было его последнее детство, а ста-
ло быть любимым. Эта работа была для
принципиально важна: он утвердил свой
путь в современной хореографии, свой совре-
менный балетный театр. Волновались все —
и молодой композитор Александр Чайковский,
прилетевший в Париж на премьеру, и тоже
молодой дирижер Валерий Гершков, и художе-
ликей Теимураз Мурадянцэ, славшийся наутро
после успеха «Юрсара» знаменитым художни-
ком, и теперь державший новый экзамен.
Волновались те, кто должен был выйти на сцену
впервые в жизни — артисты.

Спектакль, состоящий из двух актов — в
первом идут «Тени» из балета Манюса «Вал-
дерка», во втором — «Бронесец» «Поте-
мкина», — задумка О. Виноградовым не просто
смело, но дерзко. «Тени» — одна из вершин
балета XIX века, драматичность, ослепляющая
на Маркуссе Петита. Солнцы и 32 танцо-
вщицы кордебалета должны продемонстриро-
вать высочайшую технику, слаженность, от-
четливость. «Тени» не могут быть просто «не
плохи» и даже «хороши». Они либо велико-
лепны, совершенны, либо вообще не имеют
права на существование. Думаю, не ошибусь,
если скажу, что сегодня кордебалет Кировско-
го театра принадлежит к тем редчайшим ко-
лективам, которые могут позволить себе выйти
в свой репертуар этот шедевр. Недаром хорде-

балет этот страх, эту ужасность и, переживая
через Смерть, устремляется к свободе, к са-
модому о рождении человеческого достоинства
о пробуждении личности. От вполне конкрет-
ного исторического факта — восстания на бро-
несце «Потемкина» — Олег Виноградов идет
и идеи торжества Революции с большой бу-
дой. Вот почему этот балет близок и понятен
всем — нам, и французам, тем, кто видел
фильм Сергея Эйзенштейна, и тем, кто о нем
даже не слышал. Он близок и понятен, пока
есть на земле зло, жестокость, попрание че-
ловеческой личности.

Успех «Потемкина» был беспорядочный. «Рус-
ские» мыслители и наблюдатели скептически настро-
енные критиков и недоверчивую поначалу
публику. Успех нарастал от спектакля к спек-
таклю. На последнем была долгая овация.

После премьеры я смогла побеседовать с
Олегом Виноградовым о том, как рождался
спектакль.

— Я решила сделать настоящий спектакль на со-
временную тему — без конъюнктуры. Меня дей-
ствительно интересовало, как бы выглядел балет,
объясняя нам, что это было еще недавно? Знаю, да
полюк и оперной дате спектакля. Я сам захотел
его сделать.

Тем случилась, что фильма С. Зайкинщина я не
смотрел. Видел несколько отрывков — они мне
очень понравились. Я решил написать тот балет,
какой я представлял себе. А сначала изучил все истори-
ческие факты, связанные с восстанием на бронсеце.
Бронесец, пригласил даже консультанта из Музея
Революции. Сравнивал сцену с фильмом было бы
сначала делать спектакль и много свои замком, и су-
дить его надо по делу.

Этот балет — очень нравшая музыка. Композитор
Александр Чайковский и написал случайно. Меня
позанимало с ним его отец композитор В. А. Чай-
ковский. Он считал, что балетом можно и можно
мыслить написать что-либо для балетного театра.
Это знание стало для меня счастливым. Я слышал
его много раз, читал много статей, читал много
книг Крылова, потом мы вместе сделали голго-
вский «Аврадой» для балетом на музыку Грота
Самая делаю спектакль — в нем много предве-
дения Грота никогда не исполнились оркестром. Но
да и рассказывала Саму являю замечательный, он
спросил, какая должна быть и нем музыка? Я от-
ветил: трагическая и честная, никакой конъюнк-
туры.

Теимураз Мурадянцэ — художник удивитель-
ный. Он умеет восторгать и удивлять! Скульптура
до невероятности хороша. Он знает, как сделать
его тоже случайно. Как-то устал в журнале, на-

«Витязь в тигровой шкуре». Геройский спектакль
Митяя в тигровой шкуре. Писал в Гусеве. Не
да пришел в мастерскую Мурадянца, сразу стал
его рисовать. Он рисовал, как будто бы, но
не было ничего, не было работы, он забра-
вочный художник. В Париж он привез небольшие
заказы своих заказов. Эти выставки получились
успешно. Мало, что не может посмотреть мир
на публике — картины выставлены в служебном
помещении Музея Монпансье.

Труппа работала над спектаклем с огромным
уважением к работе и художественно по линии
себя. Ведь обычно балетный спектакль на теат-
рских нотах. Думаю, что все примечные и этой ра-
боте, получили истинное удовольствие.

Теперь, после премьеры, уже на обсужде-
ние газеты, на то ложат «Потемкина» и под-
часым влиянием находится Олег Виноградов.
«Потемкина», — писал «Котиден де Пари», —
балет необычный, балет неоспоримый театраль-
ной силой. Это достойный всеобщих похвал но-
вый аспект творчества Кировского театра».

После «Потемкина» парижане видели «По-
пеланку» Ириной Колпаковой, которая, по
словам одного критика, «остается уникаль-
ным примером чистоты стиля и обаяния», ви-
дела «Вечер старинной хореографии», состав-
ленный из миниатюр, большинство из которых
идет только на сцене Кировского театра; ви-
дела «Изненаде» глав дебютной 14-летней
Вероники Ивановой. «Лебединое озеро» и
«Витязь в тигровой шкуре»... На двух труп-
па возвращалась домой. Мало сказать только
об успехе ленинградцев в Париже. Хотелось
поделиться и некоторыми соображениями, воз-
никшими в ходе моей командировки.

Наверное, коллегам из Гусева. Когда ви-
дешь, с каким восторгом принимает там ду-
блина спектакля русского классического репер-
туара, начинаешь отчетливо осознавать нашу
ответственность за сохранение, обережение
классики. Она ведь не просто часть нашей
культуры — она наша национальная досто-
инство, вообще же в сокращении мировой куль-
туры. Как расправляемся мы этим богатст-
вом, что передадим тем поколениям, что при-
дут после нас?

Приехала же еще храм Покрова на Нерли.
Этот шедевр древнерусского искусства, за ко-
торый явдуг являлся какой-нибудь современ-
ный архитектор: там что убрал — это архи-
тектурно, там сделал пристройку — это сегодня
модно, а стены раскрасил... Сегодня мы слы-
шим, что это варварство, варварство. А
ведь с балетной классикой мы по большей ча-
сти именно так и поступаем. Постановщики
своему усмотрению обращаются с музыкой,
сокращают ее, переустраивают куски, считая,
что они современнее и так «архитектурно», прила-
гают ее к своим идеям. А когда поспоро-
нам к ней приблизиться, чтобы увидеть ее не
превзойденную, переродую красоту?

Олег Виноградов считает, что нам нужен
театр-музей русской классики. И он такой му-
зей создает в своем театре, дав жизнь многим
шедеврам русской классики. Это дело — со-
здатель своеобразный хореографический «Эрми-
таж» и «Юрсар» — на сегодня наша послед-
няя жемчужина в этом жанре.

Мы все просто обязаны поддержать эти

успехи Кировского театра, а также всех тех,
кому приходится заботиться об этом наследии, но
таких людей мало. Хотелось бы, чтобы в наше
официально учредить хореографическую ака-
демию, и заботиться в нее лучшие классические
спектакли, и на каждом из них, как на старин-
ном храме, будет невдалека табличка «Ох-
ражайте это государство!» Сохраним классиче-
ский балет. И пусть балет не умирает, пусть
люди. Они ушли далеко вперед в области
технического прогресса, а вот на гастроль и
нам vezet свой древний театр «Набуяна».

Гастроль Кировского театра в Париже ор-
ганизовала фирма АЛАП. Это связано с чет-
костью работы фирмы. АЛАП имеет обширный
и удобный гостиницы, и транспорт, и культур-
ный досуг артистов, и даже покупки.

Уже одно приглашение этой фирмы за га-
строль в Париж весьма почетно. Дело в том,
что сотрудничество АЛАП разрешает по всему
миру, отступившим в том до двух тысяч
спектаклей. Из них они отбирают 5—6 назва-
ний для очередного парижского сезона. Так
что, все, что видит сегодня парижане, — это
вершины современной мировой хореографии.
Все это связано с работой фирмы АЛАП.

Фирма, работающая, как мы сейчас бы ска-
зали, на принципах полного хоумстада и са-
мофинансирования, прекрасно понимает в
отличие от, например, наших концертных ор-
ганизаций, зачастую сидящих в долгах, что для
того, чтобы работать достойно, надо связать
их вложения. И фирма забот не жалует пере-
гастрольми Кировского театра, например,
АЛАП за свой счет привезла в Ленинград
23 журналистов из парижских газет. Они по-
стоянно репертуар, в том числе в гастрольно-
вые поездки, в том числе с богатой исто-
рией, и в предвкушении в Париж многие
газеты уже опубликовали репортажи из Ленин-
града, интервью с Олегом Виноградовым, даже
рецензии, часто заканчивавшиеся словами:
«Не пропустите!».

О прессе тоже хочется сказать отдельно.
Я, опираясь на опыт наших газет, ожидаю,
что в парижских газетах появится глубоко
профессиональный искусствоведческий анализ
спектаклей. Ничего подобного! Максимум
информации, вложенной просто и четко, ни-
какого журналистского изобретения, терми-
нологии и — эмоциональность в оценках. Не
знаю, выберет ли парижские журналисты вы-
ражения, когда мы что-то не нравятся... по-
вторяя, ругательных замечаний о наших арти-
стах, а не видела. Но в восторгах уже ую
только не удивляюсь. И не боюсь пережить
артиста, если он покинул их. Они устраивают
этому артисту его «звездный час».

Настоящим открытием этих гастрольей стал
для парижской публики Молодой советский те-
атр Фабул Гусевых. После «Юрсара» где он
танцевал во многих газетах появились фото-
графии. В газетных заголовках мелькала
слова: «Звезда», «король», «зарождение». Вся
труппа радовалась его успеху. А я с обидой ду-
мала: что ж мы-то так невнимательны, даже
разводившие и наши газеты! Нет, опре-
деленно что-то неважное произошло с нашей
критикой. И что сетовать мы тогда,
что молодежь наша пробавляется сдержан-
ности культуры, а мы зря ее упускаем, что самые го-
лосные споры о них возникают вокруг вопроса:
искусств или не могут наши культуры полностью
использовать непонятные выражения?

Неделю, что я провела в Париже, весь мир
жил ожиданием советско-американской встре-
чи на высшем уровне. Ее возможные результа-
ты и последствия для судьбы человечества об-
суждались по Франции по телефону.
В хоре политиков порою раздавались голоса
неодобрения к нам, предостережения против го-
воры, который будто бы ослабит Западную
Европу перед лицом Советского Союза. Но
наши политики не могли не заметить, что
никогда дав Дворца конгресса в бурно привет-
ствовании наших артистов, думалось о том, на-
какой прекрасной могла бы стать наша планета,
если бы на ней водноправились мир, доверие, вза-
имопонимание между народами.

Г. ТЕРЕХОВА.
(Спец. корр. «Советской культуры».)
ПАРИЖ — МОСКВА.